

Годовая программа журнала «Новое прошлое / The New Past» 2026

«Дни Турбиных» (1/2026)

Выпускающие редакторы: П.Г. Култышев, А.В. Венков

Следуя сложившейся традиции нашего журнала проблематизировать тематику его выпусков через мотивы великих текстов, мы остановили выбор на пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных», отмечающей в 2026 году свой вековой юбилей. Ее премьера стала поворотным моментом не только в развитии литературы и театрального искусства, но и во всей межвоенной истории нашей страны, обозначив существенный сдвиг в восприятии недавнего прошлого страны и, шире, всей ее «дореволюционной» истории. Об общественном резонансе булгаковской пьесы красноречиво говорит тот факт, что только до начала Великой Отечественной войны она была сыграна 987 раз.

Постановка «Дней Турбиных» стала настоящим вызовом, показав совершенно иную – до того момента строго табуированную – сторону Гражданской войны в России, где проигравшие «белые» были представлены не карикатурными героями, а людьми со своими страхами и ошибками, стремлением сохранить ускользающее прошлое и противостоять надвигающимся переменам. Темы, поднятые М.А. Булгаковым в «Днях Турбиных», сохраняют актуальность для понимания и современных процессов идентичности и памяти, тем более что современное российское общество еще очень далеко не только от консенсуса в восприятии событий Гражданской войны, но и в целом от «примирения» с собственным прошлым в более широком историческом контексте.

В фокусе нашего внимания – широкий спектр проблем, навеянных мотивами булгаковской пьесы: диалектика континуитета и дисконтинуитета, преемственности и разрыва связи времен на сломе эпох. Как трансформируются механизмы передачи культурного опыта, когда рушатся привычные социальные институты? Каким образом прежние ценности переосмысляются в условиях системного кризиса? Как и почему происходит отторжение и табуирование прошлого исторического опыта и в силу каких причин по прошествии некоторого времени предпринимается его частичная или полная реабилитация? Пьеса Булгакова дает богатый материал для размышлений о том, как семья и близкий круг становятся последним оплотом стабильности – тем самым «малым домом», где герои пытаются сохранить привычный уклад перед лицом фатальных исторических перемен. Мы приглашаем авторов исследовать, насколько универсален этот феномен: в каких еще переломных эпохах приватное пространство выполняло функцию буфера, призванного защитить от хаоса внешнего мира?

Не менее значим вопрос об идентификации «своих» и «чужих» в условиях гражданского противостояния. Художественный мир «Дней Турбиных» демонстрирует, насколько подвижны и условны эти границы: вчерашние соратники превращаются

в противников, а недавние враги оказываются потенциальными союзниками. Редакция предлагает поразмышлять о процессах самоидентификации в условиях Гражданской войны и причинах постоянной реконфигурации ее маркеров под влиянием обстоятельств, личных мотивов и меняющейся политической конъюнктуры. Насколько устойчивы признаки групповой принадлежности в периоды острых социальных конфликтов? Какие факторы способствуют размыванию или, напротив, ужесточению границ между противоборствующими сторонами?

Особое место в выпуске займет проблема исторической памяти о Гражданской войне: как формировались и трансформировались нарративы о событиях 1917–1920-х гг. в различных социальных группах, какие механизмы обеспечивали сохранение или вытеснение воспоминаний о конфликте? Интересно сопоставить художественные образы пьесы с документальными свидетельствами эпохи: где они совпадают, а где расходятся – и почему? Как литературная интерпретация влияет на коллективное восприятие исторического прошлого?

Наконец, редакция приглашает к дискуссии о современном состоянии исторической науки и общественного сознания в том ракурсе, который может быть обозначен мотивами булгаковской пьесы. Какие новые источники и методологические подходы позволяют сегодня переосмыслить события Гражданской войны? Почему темы, поднятые Булгаковым, сохраняют актуальность для понимания современных процессов идентичности и памяти? Мы убеждены: диалог между художественным текстом и исторической наукой открывает новые перспективы для осмысления природы социальных расколов и поиска путей их преодоления.

«Губернские очерки» (2/2026)

Выпускающие редакторы: М.Н. Крот, А.Ю. Бендин

Жизнь русской провинции находила свое отражение на страницах произведений многих отечественных литераторов. О ней в разной тональности писали Гоголь, Лесков, Писемский, Чехов. Однако, пожалуй, наиболее детальное исследование жизни русской глубинки было проведено «вождем нашей обличительной литературы» (по оценке Д.И. Писарева) – М.Е. Салтыковым-Щедриним, 200 лет со дня рождения которого будет отмечаться в 2026 году. «Губернские очерки» – произведение, ставшее литературной основой темы номера, принесло начинающему писателю известность и знаменовало собой его становление как беспощадного политического сатирика. Публикация «Очерков...», началу которой на страницах «Русского вестника» исполняется 170 лет, во многом символизировала наступление новой эпохи – эпохи «оттепели» и гласности, когда многие язвы и пороки русской жизни стали не только ярко освещаться, но и безжалостно бичеваться в публичном пространстве. Залогом громкой популярности «Очерков...» среди читателей, помимо их остро критической направленности, также стал замеченный многими эффект подлинности, ярко выраженная «установка на достоверность», позволявшие воспринимать их как точное до конкретных деталей описание русского общества и искать реальных прототипов выведенных в очерках героев. При этом схожесть вымышленного Крутогорска, где разворачиваются действия очерков, с хорошо знакомой

Салтыкову Вяткой не должна вводить читателя в заблуждение: описывая картины города, его незамысловатого быта, управления, хозяйства, создавая галерею портретов его обитателей и гостей, литератор стремился сформировать собирательный образ русской провинции, изобразить его как составную часть единого русского целого, в коей это целое специфически преломлено и представлено. Именно этот аспект «Очерков...» определяет круг вопросов, выносимых на обсуждение в данном номере.

Как известно, история любого государства разворачивается на двух пространственных уровнях. Первый из них, тщательно фиксируемый в исторических анналах, протекает преимущественно на столичной арене, под ярким светом софитов пристального внимания современников и потомков — участников и сторонних наблюдателей; именно здесь разворачиваются наиболее драматические события с участием великих исторических личностей. Второй, привлекавший к себе гораздо меньший интерес — это жизнь провинции, неуловимо похожая в различные эпохи и у разных народов, зачастую определяемая характеристиками «тихая, спокойная», а порой и «глухая». Но так ли велик разрыв между этими двумя уровнями? В чем состоит диалектическая взаимообусловленность столичной и провинциальной жизни? Какова степень их взаимосвязи и взаимного отчуждения? Насколько провинциальная действительность, изображенная в «Очерках...» Салтыкова-Щедринина как причудливое смешение реального и иллюзорного, является отражением и воплощением русского государства и общества в целом? Не менее важным представляется вопрос о том, как менялась жизнь провинции в эпоху перемен и социально-политических потрясений. Как преломлялись крупные исторические события в локальном масштабе? При каких условиях она становилась благодатной почвой, на которой стремительно расцветала самодеятельность и новая реальность, либо болотом, в трясине которой новшества безнадежно тонули?

Редакция приглашает авторов и читателей к размышлению над этими и другими вопросами, связанными с феноменом русской провинциальной жизни, которая внушала многим поколениям отечественных интеллектуалов одновременно и страх перед своими темными и поглощающими недрами, и благоговение перед ее вечно дремлющими силами.

«Марш Радецкого» (3/2026)

Выпускающие редакторы: А.В. Корневский, А.А. Мелконян

Тему очередного номера «Нового прошлого» нам подсказал роман Й. Рота, который, наряду с произведениями С. Цвейга, Р.М. Рильке и Г. Майринка, традиционно ассоциируется с *Finis Austriae* — эпохой заката одной из самых блистательных монархий Нового времени. В сюжетной канве романа метафорически синхронизированы два событийных пласта: угасание семьи «имперских славян» Тротта фон Сиполье и распад державы, которой служили верой и правдой три ее поколения. Глубоко символичен и выбор заглавия романа — название марша Штрауса-старшего, посвященного чешскому аристократу, ставшему самым прославленным австрийским полководцем. Множественные явные и сокровенные смыслы, да и сам

метафорический строй этого романа дают повод поразмышлять о проблемах, являющихся приоритетными для нашего журнала. С одной стороны, тема ухода с исторической сцены державы такого масштаба лежит в русле нашего интереса к проблематике исторических сломов и культурной памяти, поскольку империи, подобные Австрийской, безусловно, являются ключевыми мнемоническими акторами мировой истории. Преобразуя хаос в порядок, они, как тонко заметил когда-то А. Дж. Тойнби, «завоевывают вследствие этого столь сильную признательность и уважение своих подданных, что последние просто не мыслят свою жизнь вне Империи». И даже если в момент крушения былых колоссов их поминают недобрым словом, по прошествии поколений почти неизбежно набирает силу имперская ностальгия. А это подводит нас к другой, не менее важной стороне проблематики журнала, отраженной в его названии – непрерывном обновлении памяти о прошлом, равно как и знаний о нем, или, по крайней мере, того, что мы считаем таковыми.

Finis Austriae представляет собой почти идеальный модельный кейс для компаративного исследования всего спектра проблем «империологии» в самом широком пространственном и хронологическом контексте. Перечислим лишь некоторые вопросы, предлагаемые к обсуждению на страницах нашего журнала: фатальны ли угасание и гибель империй, или степень их адаптивности существенно выше, чем это принято считать; насколько релевантен применяемый к этим политическим системам аналитический язык, сплошь состоящий из оппозиций – начиная с противопоставления «морских» и «континентальных» империй, а самой империи – государству-нации, заканчивая такими клишированными антитезами, как метрополия-колония и центр-периферия? Сегодня, когда словосочетание «имперская нация» уже не кажется оксюмороном, видимо, настала пора подвергнуть ревизии и прочие устоявшиеся оппозиции. Более того, уместно задать вопрос: не имеем ли мы дело с привычными, а потому почти не замечаемыми когнитивными абберациями – теми самыми, по выражению О.Г. Эксле, «ловушками дихотомий», искушающими простотой черно-белого видения вместо градиента оттенков?

«От окраины к центру» (4/2026)

Выпускающие редакторы: Е.В. Вдовченков, С.В. Смирнов

Обращение к стихотворению Иосифа Бродского для обоснования темы номера, посвященного актуальным проблемам истории и археологии древнего города, может показаться на первый взгляд несколько странным. В действительности же, в этом тексте, как и в сознании самого автора, присутствует глубинный исторический субстрат, порожденный многими тысячелетиями урбанистической культуры, и в первую очередь – античной традиции. Хотя стихотворение написано поэтом-шестидесятником о Ленинграде последних лет «Оттепели», следует учитывать, во-первых, значимость античных образов и мотивов в целом для поэзии и мировоззрения Бродского, а во-вторых – то, что и содержательно, и стилистически, через обращение к жанру элегии, автор в нем вступает в диалог с классиками русской литературы (в первую очередь А.С. Пушкиным и Е.А. Баратынским), а через них – с поэтической традицией Греции и Рима, породившей и выпестовавшей этот жанр.

С другой стороны, вектор развертывания элегического хронотопа, выбранный Бродским, оказывается парадоксальным образом созвучен тем подходам, которые применяются историками и археологами, изучающими древние города. Поэт погружает читателя в пространство своего родного города, мысленно двигаясь от окраин к центру, начиная от промышленно-портовой зоны («эту местность любви, полуостров заводов, парадиз мастерских, рай речных пароходов»). Так и археолог, как правило, начинает знакомство с городом с его периферии — предместий (хоры), пригородных усадеб, с фортификации, а также широко разбросанных, но надежных признаков его существования: монет, клейм на керамике, импортных товаров, прошедших через его порт. Торжественный и пышный центр не сразу открывается взору исследователя. Он то находится под позднейшей застройкой (как античный Херсонес под византийской, или древние Рим и Афины под современной), то погребен под развалинами и неопределим (Танаис). Историк, изучающий древние города преимущественно используя письменные источники, также обращается к предмету своего исследования, как правило, взглядом внешнего, а не внутреннего наблюдателя — коренного жителя. Для большей части древних городов сохранились описания тех, для кого он открывается, начиная от гаваней и стен.

Номер, который выйдет в год 30-летия со дня смерти Иосифа Бродского, подчеркнет актуальность творчества поэта — в том числе и для науки, находящейся под сенью Клио. Нашим авторам предлагается спектр тем по исторической урбанистике, связанных с проблематикой центра и периферии городского пространства: город как социокультурный феномен — концепции и проблемы терминологии; теории возникновения городов; «пространственный поворот» и античный город — понятия «центр» и «периферия» в начале XXI в.; топография городов и городских некрополей; город и его округа — модели взаимодействия; сакральная топография города; городские институты; частное и общественное в жизни города.